

**СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ РОМАНЫ МАРКА ТВЕНА
О ПОРОКАХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА США (РУБЕЖ XIX–XX ВВ.)**

Аннотация: Статья посвящена огромному вкладу американского писателя М. Твена в историческую романистику. Историки, долгое время недооценивавшие высокий информационный потенциал этого вида источника, мало о нем писали, уступив приоритет филологам. Между тем Твен являлся одним из первых социальных критиков эпохи формировавшегося на рубеже XIX–XX вв. индустриального общества. Являясь активным участником исторического процесса, он стремился показать окружающий мир во всем его многообразии, сложности и противоречивости. Позже американские историки назвали эпоху конца XIX в. «твеновским», или «позолоченным» веком.

Ключевые слова: исторические романы, искрометный юмор, эпоха радужных иллюзий, маниакальное прожектерство, аферы и мошенничество, позолоченный век.

Об авторе: Байбакова Лариса Вилоровна – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ломоносовский пр. д. 27 корп. 4, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, lbaibakova@yandex.ru

Исследуя прошлое, историки нередко обращаются к такому специфическому историческому источнику как художественная литература. С ее помощью они не только ярко и образно реконструируют атмосферу изучаемой эпохи, но и выявляют в структуре исторических романов соотношение реального факта и творческого воображения автора. И, хотя, сочинения романистов нельзя считать документальным источником, они, тем не менее, являются увлекательным средством ознакомления читателей, в том числе и историков, с прошлым. В литературных сочинениях особое значение имеет личность самого автора, ко-

торый, являясь современником и активным участником исторического процесса, стремится показать окружающий мир во всем его многообразии, сложности и противоречивости.

Историческая романистика в США берет свое начало в первой половине XIX в. с сочинений В. Ирвинга и Ф. Купера. Творчество Марка Твена, традиционно причисляемого к «королям смеха» [4:181-190], до недавнего времени не укладывалось в русло этого «серьезного» литературного жанра. Историки, долгое время не относившие художественную литературу к общепризнанным источникам, мало о нем писали, уступив приоритет филологам [13, 14, 8, 11, 9, 26]. В последнее десятилетие на волне усиливающегося интереса к сочинениям писателя в ряде крупных диссертационных исследований, ученые пришли к выводу о том, что литературное наследие Твена намного глубже и серьезнее, чем это ранее представлялось [3, 12, 2, 6]. Писатель являл собой голос эпохи: он активно откликался на все значимые события и явления, которые волновали американцев, поэтому каждый созданный им персонаж представлял уникальный социальный тип людей, характерный для того времени. При этом все сочинения Твена пронизывал искрометный юмор, поскольку он считал, что «человеческая раса имеет одно очень эффективное оружие, и это смех» [27].

Прогрессивность мировоззрения Твена позволяла ему критически воспроизводить реальность окружающего бытия и в образной форме показывать недостатки американской демократии, признанной эталонной в глазах передового общественного мнения. Его исторические романы можно рассматривать в качестве неисчерпаемого источника уникальных сведений о нравах и людях бурной эпохи конца XIX в. Нестандартные мысли писателя запоминались, его юмор приводил «в действие механизм мысли», а яркие афоризмы расходились по всему свету. Для историков особый интерес представляет не только изучение историко-философских взглядов Твена, много и плодотворно размышлявшего о природе англо-саксонской цивилизации, но и выяснение влияния его мировоззрения на изображение общественно-

политической жизни Америки посредством художественной интерпретации исторического материала.

Твен являлся одним из первых социальных критиков эпохи формировавшегося на рубеже XIX–XX вв. индустриального общества, своеобразно отразившегося на его собственной судьбе. Родившись в бедной семье, он перепробовал профессии лодчмана, шахтера, золотодобытчика и журналиста. Будущий писатель не упускал возможности разбогатеть, даже ввязавшись в инвестиционные авантюры. Одной из них стало спонсирование эксперимента по созданию автоматической наборной машины Дж. Пейджа. Изобретение так и не было доведено до рабочего состояния, поэтому желание писателя стать миллионером не осуществилось, хотя он и истратил на него целое состояние (300 тыс. или 6 млн долл. в нынешнем эквиваленте). Постигшая неудача его многому научила: с долей юмора он признал «из полученного опыта две вещи: не инвестировать деньги, если вы не можете себе этого позволить, и не инвестировать, когда вы это можете» [33]. В конце жизни оказавшегося на грани банкротства писателя от полного разорения спас один из его поклонников, эксцентричный миллионер Г. Роджерс.

Воззрения Твена носили достаточно радикальный характер. Будучи республиканцем до мозга костей, он идеализировал идеи «отцов-основателей» и считал, что Декларация независимости провозгласила непреложные истины на все времена – свободу, равенство и одинаковые стартовые возможности для всех. О себе он говорил: «я революционер в своих симпатиях, происхождении и принципах. Я всегда на стороне революционеров, потому что не было бы никаких революций, если бы не существовал ряд жестоких и невыносимых условий, которые их вызвали» [44]. И действительно, Твену многое не нравилось в американской действительности, ибо она не в полной мере соответствовала его возвышенным принципам, которыми так гордились американцы. Критический склад ума и острая наблюдательность сблизили его с оппозиционными кругами, объединявшими интеллектуальную элиту Новой Англии. Большинство

ее представителей были близки к вершине профессиональной иерархии, среди них было много журналистов, деятелей науки и культуры, словом, «лучших» людей своего времени. Несмотря на относительную малочисленность, они, располагая большими возможностями воздействия на общественное мнение, составили одно из влиятельных демократических движений конца XIX в. [42:7-10]

Современники окрестили интеллектуальную элиту «джентльменами-реформаторами». Взращенные и воспитанные на идеалах старой эпохи, они обладали особым взглядом на окружающий мир. Их мировоззрение отличалось сложностью и непоследовательностью, в нем причудливо переплетались, как ортодоксальные, так и новаторские черты. Взгляды новоанглийских интеллектуалов базировались на идеологии классического либерализма, основы которого в конце XIX в. заметно обветшали. Идейные истоки либеральной традиции подрывало, с одной стороны, массовое разорение мелких собственников, составлявших основу свободного предпринимательства, а с другой, – резкое усиление влияния на политику «большого» бизнеса, становившегося единовластным вершителем судеб Америки. Отводя государству роль ночного сторожа, «мудрецы из Бостона» утверждали, что любое вмешательство в область социально-экономических, а тем более человеческих, отношений является губительным для хрупкого равновесия между природой и людьми. Вот почему для них «старый идеализм превратился в строптивого противника, хранителя всех ценностей, всей памяти о былом, которому угрожала опасность» [10:343].

Приверженность новоанглийской элиты либеральной традиции содержала мощный преобразовательный потенциал, который выражался, прежде всего, в критическом восприятии рождавшейся индустриальной Америки, ставящей во главу угла философию стяжательства и наживы. В частности, Твену претитло все, что касалось коммерциализации нравственных устоев общества. Более того, он пришел к пессимистическому выводу об опасности богатства для человека: «как он мельчает, если

деньги для него – не слуги, а божество» [19:641]. В саркастически «исправленном» им катехизисе главной целью человеческой жизни считалось «стать богатым», а на вопрос, каким путем, следовал парадоксальный ответ – «нечестным, если удастся; честным, если нельзя иначе» [20:648]. Писатель с грустью констатировал начавшийся процесс разрушения традиционных ценностей, необходимых для сохранения республиканской формы правления.

Особое неприятие Твена вызывали такие отрицательные черты американской демократии как практика захвата правящей партией всех государственных должностей в качестве «добычи» и превращение их в кормушку для своих сторонников. Иронизируя над сращиванием государственного и партийного аппаратов, он сформулировал «новое политическое евангелие», выраженное в аналогии «государственная должность – это взяточничество» [44]. Показательно, что в его романе «Позолоченный век» федеральная столица Вашингтон, поражавшая современников роскошью правительственных зданий, была заселена преимущественно государственными служащими, получившими свои места не за личные заслуги, а, по словам Твена, «благодаря посредничеству (правильнее было бы сказать – приказу) одного из сенаторов или представителей от своего родного штата» [15:211].

Выдвинув лозунг «очищения политики», Твен требовал восстановить демократическое правление на основе почитаемых им нравственных устоев и, тем самым, модифицировать политическую систему изнутри, путем устранения ее одиозных черт. Речь шла не просто опроцедурной стороне реформирования партий, требовалось принятие целой серии законов, способных ввести жесткий контроль государства над деятельностью партий. Разброс средств, способных вырвать политические институты из рук плутократии и поставить их на службу обществу, был велик. Среди них – право на законодательную инициативу, референдум со стороны народа и прямое избрание высокопоставленных должностных лиц. Ликвидацию всевозможных форм злоупотреблений предлагалось осуществить путем введе-

ния тайного голосования на выборах и изменения правил комплектования государственного аппарата. Считалось, что профессиональные чиновники, отобранные по деловым качествам, способны не только повысить престиж государственной власти, но и существенно ограничить распределение должностей между коррумпированными лицами. Главным в политике считалась честность, которую Твен считал «лучшей из всех утраченных добродетелей» [44].

Но как поменять вектор развития общества в сторону справедливости и честности? Ответ был найден писателем в просвещении масс. Уроки политического воспитания, развернутые Твеном и его единомышленниками на страницах печати, имели четко заданную цель: общество должно в перспективе «совершить крутой и осознанный поворот к идеалам» [1:291]. Большинство предлагаемых реформаторами мер носило долгосрочный характер, а просветительская работа выдвигала образованных людей на передний план общественно-политической жизни. Особое внимание представители интеллектуальной элиты уделяли самой личности человека, его движению к идеалам нравственной чистоты, к «туманно сформулированному кодексу ценностей, которые они называли Цивилизацией, Культурой и Усовершенствованием» [10:342]. Выступая единым фронтом против неумной жажды потребительства, они считали нравственность слишком ценным понятием, которым нельзя было поступиться. Сам Твен в одном из писем откровенно заявлял: «Да, вы правы, я скрытый моралист, и это доставляет мне кучу неприятностей, когда иду биться по политическим вопросам» [35].

Морализм реформаторов напрямую отражался на отборе кандидатов в органы власти, при этом честность провозглашалась главным критерием пригодности того или иного политика для службы на государственном поприще. Лозунгом дня становился девиз «либо политика ради политики, либо выгода ради выгоды», поскольку совмещать и то, и другое никому не было дано. Во многих штатах Северо-Востока для популяризации

идеи реформы были созданы непартийные клубы, целью которых было избрание в муниципальные органы власти «достойных должностных лиц», не являвшихся выдвиженцами партий. Многочисленные памфлеты, изданные под их эгидой, содержали «советы молодым избирателям» о необходимости «вступать в ряды только той партии, которая имеет самую чистую и незапятнанную репутацию» [28]. Конечно, небольшая и элитарная по составу интеллектуальная элита, в которую входил и Твен, вряд ли могла многого добиться в этом направлении. Однако ее представители вынесли на повестку дня идею, получившую поддержку в разных слоях населения. «Истинная проблема заключается в избрании мудрого, честного и экономного правительства», – говорилось в воззвании национального комитета республиканцев Нью-Йорка [30]. Именно поэтому очередные президентские выборы 1884 г. были превращены реформаторами в испытание их политической доктрины.

Добиваясь избрания на пост президента человека честного и достойного, реформаторы твердо знали, кого из политиков они не хотели бы видеть в Белом доме. Заклятым врагом считался Дж. Блейн, олицетворявший в их глазах пороки своего времени, но именно он по решению партийного руководства был избран на съезде республиканской партии кандидатом на пост президента [31]. Этот партийный босс от штата Мэн считался главным коррупционером, замеченным в финансовых аферах, связанных с продажей акций ряда железнодорожных компаний. В такой ситуации реформаторы выступили не только против фигуры одиозного босса, но и отказались даже поддерживать выбор собственной организации. «Если политическая партия... настолько забыла о своем достоинстве и обязанностях, что выставила кандидатом в Белый дом человека, имевшего явный пагубный порок, то американский народ должен показать, что обладает чувством нравственности, достаточным для того, чтобы отвергнуть его кандидатуру, и отвергнуть подавляющим большинством голосов. Это – единственный путь спасения» [41:255].

Через призму индивидуальной свободы оценивалось и поведение каждого человека, его право на свободное волеизъявление. «Первым долгом гражданина, – отмечалось в переписке М. Твена и У. Хоуэллса, – является защита собственной чести, а не чести страны или партии» [39:509]. В соответствии с идеями свободолюбия они призывали современников освободиться от уз партийной зависимости и поступать, руководствуясь не столько нормами дисциплины, сколько собственными интересами. Провозглашение личностью своей воли вопреки мнению большинства знаменовало победу над бездумным поклонением партийным фетишам. Наиболее ярко эта мысль прозвучала в высказывании персонажа Твена, в уста которого, несомненно, были вложены мысли самого автора: «Видите ли, я понимаю верность как верность родине, а не ее учреждениям и правителям. Родина – это истинное, прочное, вечное; родину нужно беречь, надо любить ее, нужно быть ей верным; учреждения же – нечто внешнее, вроде одежды, а одежда может изнашиваться, порваться, сделаться неудобной» [17:386]. Утверждение принципа личного выбора в противовес традиционным представлениям о нормах партийной морали свидетельствовало о начавшемся процессе политизации избирателей.

В 1884 г. Твен вместе с единомышленниками, нарушив строгую партийную дисциплину, в знак протеста вышел из состава республиканской партии. По его словам, это были «самые лучшие люди, каких можно найти в рядах двух главных партий... численностью в 60 тыс. человек» [34]. У них отсутствовал руководящий орган, но они и не стремились создавать новую организацию. В отсутствии реальных претендентов, способных на равных бороться за пост президента, их выбор пал на демократа из Нью-Йорка Гр. Кливленда, ранее не замеченного в коррупционных связях. Твен считал его человеком «высокоинтеллектуальным», помыслы которого «велики, чисты и прекрасны» [29]. Позднее он вспоминал, что реформаторы «отдали за него свои голоса без каких-либо обязательств... Голосовать за лучшего человека – этого оказалось достаточным для нашего веро-

вания» [34]. Показательно, но победу демократической партии в 1884 г. принесли всего 25 тыс. голосов избирателей, большая часть которых была получена в штатах Новой Англии, где позиция бюлестителей нравственности была особенно сильной.

С возрастом взгляды Твена становились все радикальнее. В письме к другу У. Хоуэллсу от 22 августа 1887 г. он сообщал: «Когда закончил читать в 1871 г. «Французскую революцию» Карлейля, я уподоблял себя жирондистам; но каждый раз при повторном прочтении я воспринимал ее по-новому... и теперь, когда я раскрываю эту книгу вновь, я осознаю себя санкюлотом!» [36] После победоносной испано-американской войны 1898 г., приведшей к появлению у США первых протекторатов, объектом критики писателя стала агрессивная внешняя политика правительства, направленная на присвоение чужих территорий ради «завоевательной мании». Вернувшись осенью 1900 г. после длительного путешествия по Европе, он заявил, что до отъезда из Америки он был «пылающим страстью империалистом», а после – убежденным «антиимпериалистом» [38]. Исповедуемые ими идеалы свободы были несовместимы с позицией силы, к которой все чаще прибегал Белый дом.

Писатель возглавил деятельность Антиимпериалистической лиги, рассматривавшей создание собственной колониальной империи в качестве «отклонения» от правильного пути, завещанного «отцами-основателями» [7]. Являясь ее бессменным вице-президентом с 1901 и до самой смерти в 1910 г., он многое сделал для популяризации идей изоляционизма, пацифизма и невмешательства в дела других народов. В своих сочинениях он резко критиковал колониализм, ведущий к ограблению целых стран. Одним из величайших произведений социальной сатиры стал написанный им в 1901 г. памфлет «Человеку, ходящему во тьме», в котором он сорвал маски с проповедников экспансии, стремившихся навязать свое господство колониальным народам под предлогом раздачи «даров цивилизации», за которые от них требовалось расстаться с свободой. Ханжество империалистов писатель раскрыл посредством разоблачительных тирад: «Да,

мы лгали, но из высоких побуждений. Да, мы поступали вероломно, но лишь для того, чтобы из кажущего зла родилось подлинное добро. Да, мы разгромили обманутый доверчивый народ; ... но все это было к лучшему» [24:475-494]. Твен иронически предлагал американцам даже учредить новый флаг черного цвета с изображением черепа и костей, как у пиратов.

В дальнейшем Твен направил свой литературный талант на обличение растущей власти богатства. Он откровенно высказывался о социальном неблагополучии в Америке: «Кто же угнетатели? Их немного: король, капиталист и горстка других – надсмотрщиков и подручных. Кто угнетенные? Их множество: это народы мира: лучшие представители человечества, рабочие люди – те, кто своим трудом добывает хлеб для праздных белоручек» [21:363]. В рассказе «Человек, который совратил Гедлиберг» Твен резко противопоставил моральные качества «власть имущих» и бедняков, рисуя их в черно-белом цвете. Богачи у него становились объектом злых насмешек, а простые люди изображались с глубокой симпатией, несмотря на их желание протянуть «руку к заведомо нечистым деньгам, добытым за игорным столом» [23:28-83]. Тем не менее, автор стремился показать присущее народу чувство превосходства над созданным богачами миром зла и угнетения, обреченного, по его мнению, в перспективе на верную гибель. Подобные социально ориентированные литературные сочинения создавали особый морально-психологический климат в обществе.

Глубина мировоззрения Твена отражалась в создаваемом им идейно-образном мире, в котором юмор, называемый самим автором «грубым и неотесанным» [37:228] и часто переходящий в сарказм, соседствовал с эмоциональной насыщенностью восприятия окружающей действительности. В итоге рождалась живая история обличительного характера, разоблачавшая охватившую американское общество спекулятивную лихорадку, мааниакальное прожектерство, аферы дутых предприятий, коррупцию, продажность политиков и всевозможные махинации в органах власти. Однако «истории» Твена были не документальны-

ми, а литературными произведениями, пересказывавшими нашумевшие скандалы своего времени в художественном контексте и представлявшими героев в виде аллегории нового поколения рождавшегося индустриального миропорядка. По словам писателя, он всегда следовал принципу, что «правду следует подавать так, как подают пальто, а не швыряют в лицо, как мокрое полотенце» [43].

Первым острокритическим романом стал «Позолоченный век», написанный в 1873 г. совместно с Ч. Уорнером. В нем показан авантюрный период в жизни Америки после Гражданской войны 1861–1865 гг. Актуальность романа лишний раз подчеркивал его подзаголовок – «повесть наших дней». И действительно, почти каждая глава имела ссылку на время действия, обозначаемая автором в виде «тысяча восемьсот** годов». В предисловии автор раскрыл замысел сюжета, с сарказмом заметив, что описываемая им история не могла произойти «в стране, где неизвестна лихорадка наживы, где никто не томится жаждой быстрого обогащения, где бедняки простодушны и довольны своей судьбой; а богачи щедры и честны, где общество сохраняет первозданную чистоту нравов, а политикой занимаются только люди, одаренные и преданные отечеству» [15:9]. Отталкиваясь от такой широкой метафоры, читатель сразу осознавал, что речь в романе пойдет о сугубо негативных явлениях в общественно-политической жизни Америки. И действительно, автор подробно описал широкое распространение коррупции в высших эшелонах власти, использование личных связей среди конгрессменов, мошенничество в ходе выборов, черный пиар, подтасовку голосов на избирательных участках, подкупе самих избирателей, охотно продававших свои голоса на выборах и т.д. Политическая линия романа носила документальный характер и основывалась на личном знакомстве Твена с кулуарной кухней большой политики. Известно, что в 1861 г. Твен был секретарем Дж. Ная, губернатора территории Невада, а в 1868 г. работал у сенатора от Невады У. Стюарта, что позволило ему воочию

наблюдать за работой так называемых «народных» избранных в высших органах власти.

Заглавие романа носит ироничный характер, а суть метафоры о позолоченном веке, выведенной в названии, раскрывают главные персонажи с их надеждами и иллюзиями. В первых главах произведения главным героем выступает фермер Сай Хокинс, который в поисках лучшей доли переезжает из Теннесси в Миссури, но его надежды на безбедное существование обречены на провал. В доме нечего есть, хотя и существует собственность в виде огромного участка земли в несколько десятков тысяч акров. Умирая, фермер завещает детям хранить эту бесплодную землю в качестве несметного богатства, считая, что «в этой земле миллионы, да, миллионы!» Эта история была буквально взята из семейных преданий самого Твена, отец которого также говорил детям: «держитесь за землю и ждите; смотрите, чтобы никто ее у вас не выманил» [25:9]. Тогда еще никто не догадывался, что участок, принадлежавший семейству Клеменсов, изобилует рудой и минералами, что растущая на нем корабельная сосна – лучшая в мире, и что по прошествии нескольких десятков лет, в связи с бурным ростом населения, он будет, как никогда, востребован, а его владельцы станут «сказочно» богатыми. Однако наследникам нужен был стартовый капитал для занятия бизнесом, поэтому с собственной фермой пришлось вскоре расстаться. Им еще повезло, так как многие земли вообще было трудно продать из-за превышения предложения над спросом. Именно такая, никому не нужная, земля часто становилась основой афер прожженных дельцов, продававших ее втридорога государству.

Остро высмеивая неукротимую жадность наживы, горевшую в сердце каждого американца, Твен вывел на авансцену два гротескно выписанных персонажа. Одним из них являлся полковник Малберри Селлерс, который будучи неутомимым фантазером, постоянно грезил о богатстве, плохо соотносимым с объективной реальностью. По его словам, «воздух прямо насыщен деньгами», стоит только протянуть руку и взять их. В голове

полковника постоянно роилось много хитроумных идей, как сколотить себе состояние. Среди его «грандиозных комбинаций» называлась, например, скупка на корню всей кукурузы в окрестностях и продаже ее по заведомо высоким ценам. Более амбициозный характер носил план приобретения обесцененных акций в 113 западных банках «за сорок четыре процента номинала, ... а потом вдруг взять и выпустить кота из мешка. Фью-у-у! Тут их бумаги одним махом подскочат в цене, да как! До самых Небес! Прибыль от одной операции будет сорок миллионов и ни долларом меньше!» [15:72-73]. Диапазон изобретательства Селлерса был огромен: от глазной примочки до изобретения машины, работавшей на основе разложившейся воды, с помощью которой можно было освещать целые города. Проектиёр был готов «выгонять из репы оливковое масло», заниматься «ускоренным разведением мулов» и т.д. Правда, единственным запатентованным его изобретением являлась головоломка «поросята в поле».

Подобные несбыточные фантазии, не подкрепленные никакими реальными действиями, вызывали глубокое разочарование окружающих. Все заманчивые проекты Селлерса завершались крахом, а его многочисленная семья была вынуждена влачить полуголодный образ жизни. В доме не было дров, поэтому в пустую печь ставилась сальная свеча, которая, давая отсвет через слюдяную дверцу, создавала иллюзию тепла, хотя в комнате было по-прежнему холодно. Однако полковник не унывал, а во время полуголодной трапезы, отужинав вареной репой с ключевой водой, размышлял о достоинствах простой еды как основы диетического питания. Селлерс был одним из миллионов американцев, которые мечтали не просто разбогатеть, а фантастически разбогатеть, получив денег столько, «что и на трех пароходах не увезешь!» Однако чего у него нельзя было отнять, так это присущей всей американской нации духа оптимизма, способного не только очаровать любого слушателя, но и увлечь даже глухонемого, если только тот мог видеть, как говорят глаза мечтателя.

По словам Твена, современники считали Селлеса с его страстью к предпринимательству чистойшей фантазией, однако писатель просто подметил главную тенденцию, охватившую американское общество после Гражданской войны. Многие эпизоды романа, которые казались невероятными, не являлись его выдумкой, а были взяты буквально из жизни. И если читатель умирал со смеху в ситуации с сырой репой, то, несмотря на ее кажущуюся нелепость, она действительно имела место в доме его дяди Дж. Лэмптона, который всю жизнь витал в тумане радужных грез, но так и не дождался осуществления ни одной из них. Во всяком случае, Твен навсегда помнил его «сияющие счастьем глаза, полное надежд сердце, убедительную речь и воображение, творящее чудеса, — все было налицо, и не успел я пошевелиться, как он уже полировал свою лампу Аладдина, и перед мной засверкали скрытые сокровища мира» [25:24].

В качестве крупномасштабного проходимца сатирически выписан образ сенатора Эбнера Дилуорти, представленного автором в качестве образца циничного политика-дельца. В изображении Твена он — «квинтэссенция пороков американской политической кухни» [5], пользовавшийся простодушием своих избирателей. Его прототипом являлся сенатор-республиканец С. Помрой из Канзаса, коррупционная деятельность которого оказалась в центре внимания американской прессы 1870-х гг. Он прославился не только махинациями с акциями железнодорожно-строительной компании «Кредит Мобильер», но и подкупом соратников по партии для благополучного переизбрания в конгресс США. Жизненным принципам подобных «горе-политиков» во многом следовал и вымышленный персонаж писателя, деятельность которого с исторической точностью воспроизводила бесчисленные финансовые аферы конца XIX в.

По мнению Твена, продажность политических деятелей стала общепризнанной нормой тех лет, поэтому сенатор Дилуорти, успешно нося маску «джентльмена», «верующего» и «патриота», беззастенчиво грабил государственную казну, лицемерил на публичных собраниях и проявлял чудеса смекалки, что-

бы положить миллионы государственных денег в собственный карман. В частности, он с энтузиазмом проталкивал через конгресс заведомо жульнические планы полковника Селлера о постройке на болоте города Наполеон и покупке обширных пустующих земель для строительства университета для негров. В обоих случаях речь шла не о создании новой инфраструктуры в глухих западных штатах, а о получении в конгрессе огромных ассигнований, должных осесть в карманах участников спекуляционной схемы. Таким образом, сюжет романа, ловко закрученный вокруг механики законотворческой деятельности, соотносимой с «эрой хорошего воровства», основывался на грандиозной земельной афере, для осуществления которой требовалась поддержка большей части конгресса США. Однако благосклонность законодателей можно было получить только за взятки.

Повседневная практика тех лет свидетельствовала о массовом взяточничестве и коррупции, когда при утверждении ассигнований в конгрессе их большая часть уходила на взятки «нужным» людям. В романе автор знакомит читателей с их перечнем: первым называлось большинство членов бюджетной комиссии палаты представителей, которым «надо заплатить сорок тысяч долларов – по десять тысяч на брата; за большинство в сенатской комиссии – столько же: опять сорок тысяч; небольшая добавка одному-двум председателям одной-двух комиссий, скажем, по десять тысяч долларов каждому, то есть двадцать тысяч, – и вот вам ста тысяч долларов как не бывало! Затем идут семь кулуарных деятелей, по три тысячи долларов каждый, – двадцать одна тысяча долларов, одна кулуарная деятельница десять тысяч; несколько членов палаты представителей или сенаторов с безупречной репутацией (конгрессмены с безупречной репутацией стоят дороже, так как они придают всякому мероприятию нужную окраску), – скажем, десяток на сенат и палату представителей вместе – это тридцать тысяч долларов; затем десятка два конгрессменов, которые вообще не станут голосовать, если им не заплатят, – по пятьсот долларов каждому, – еще десять; затем обеды в их честь – скажем, в общей сложности на

десять тысяч; подарки и игрушки для жен и детей – на эту статью можно тратиться без конца...» [15:243]. Тем самым писатель беспощадно разоблачал закулисную деятельность высшего законодательного органа страны, где принятие любого закона сопровождалось массовым подкупом законодателей в ущерб полезному делу, каким, например, являлось сооружение университета для негров.

В данном конкретном случае планы аферистов потерпели крах, благодаря принципиальной позиции сенатора с говорящей фамилией Нобл (благородный. – Л.Б.). Перед решающим голосованием по законопроекту он выложил на стол председателя сената пакет, в котором находились 7 тыс. долл., врученные ему накануне. По его словам, в кармане большей части собравшихся депутатов находились такие же денежные суммы, полученные от Дилуорти в уплату за их голоса. «Три пятых из вас – те же Дилуорти» [15:519], – с гневом утверждал Нобл.

В итоге законопроект не получил ни единого голоса, а против сенатора началось судебное расследование, но «не потому, что подкуп в нашей общественной жизни явление неслыханное, – а только потому, что обнаружен *еще один случай* подкупа». Между тем, созданная в сенате комиссия не обнаружила в действиях Дилуорти никакого криминала, «хотя «на всех перекрестках кричали, что он вор и плут, что он при помощи взятки и обмана добился субсидий пароходным компаниям, затеял мошеннические сделки с железными дорогами и вообще всеми немыслимыми способами грабил государственную казну» [15:511]. Однако продажный сенатор, уличенный в подкупе, вышел сухим из воды. Более того, по возвращении домой он был встречен бурной овацией за «гонения и преследования, которым он подвергался» в столице. Обличительный смысл сарказма писателя здесь становится понятным, поскольку действия политика выявили вопиющее несоответствие между буквой закона и практикой реальной жизни. Его возмущение вызывали многие факты политической коррупции – подкупа избирателей, подлогов в ходе выборов, внесения фиктивных лиц в списки из-

бирателей, подтасовки бюллетеней, неправильного подсчета голосов и пр. Депутаты продавали свои и покупали чужие голоса, получали государственные ассигнования на мифические предприятия, а когда их аферы раскрывались, уклонялись от судебной ответственности. Не случайно, в творчестве Твена имеется масса беспощадных характеристик членов конгресса США. Например, сколько сарказма содержится в его известном изречении, что «среди членов конгресса можно было найти несколько светлых умов – талантливых государственных деятелей, людей высоких устремлений и безупречной репутации... Но в общем это учреждение было притоном для воров...» [16:505]. Другой хлесткий афоризм Твена гласил, «что такое избранники народа? Люди на государственных постах, где они делят награбленное» [40:10]. В конце жизни Твен сделал убийственное заключение относительно характера американской политики, саркастически заявив, что в США для подкупа законодательных органов «установлена самая высокая в мире такса» а нравы, царящие в политической жизни, «не пища для шуток, а целый спектакль» [22:652; 44].

Продолжение сюжетной линии «Позолоченного века» последовало в романе «Американский претендент», где в основу сюжета была положена забавная история о приезде английского графа Трейси Росмора в США под вымышленным именем. Недовольный монархией и наследственным дворянством у себя на родине, он решил «отказаться от всех привилегий и несправедливых преимуществ, которыми пользуется знать» [18:193]. За океаном, где столетие царил республиканская форма правления, он надеялся найти гуманные и справедливые порядки. Поселившись в обычном пансионе, он вскоре обнаружил не только отсутствие какого-либо равенства между его постояльцами, но более того, наличие своего рода высшего сословия, к которому относились люди с капиталом и властью. Взвесив достоинства и недостатки американской демократии, герой пришел к печальному выводу о том, что в США, как и в Европе, одни люди господствуют над другими, а источником неравенства являются деньги.

В новом романе Твен вернулся к мечтателю-неудачнику Селлерсу, придумывавшему новые фантастические проекты на миллионы долларов. Но теперь тот был занят процессом оживления покойников на сеансах спиритизма для присвоения их жалования. Первоначально в его безумные планы входила гальванизация 2 тыс. полисменов из Нью-Йорка, затем появилась более масштабная идея о создании 10-тысячной армии из «ветеранов, отобранных из победоносных легионов всех веков – солдат, которые год за годом будут преследовать индейцев на материализованных лошадях и не будут стоить правительству ни цента, ибо их не надо ни кормить, ни лечить» [18:34]. Вскоре выяснилась возможность мнимого оживления депутатов конгресса, которые не сообразительнее покойников, поэтому их можно тоже заменить.

Один из проектов Селлерса касался покупки Сибири для создания там республики, поскольку «в тамошних рудниках и тюрьмах собраны самые благородные, самые лучшие, самые наиспособнейшие представители рода человеческого, каких когда-либо создавал бог». Именно такой первоклассный людской материал мог быть использован, по его мнению, для перехода от авторитаризма к демократии. Он надеялся, что, после создания республики в глухом медвежьем уголке России, «в ней вспыхнет, запылает, озарит все вокруг столь яркий свет свободы, разума, справедливости, человечности, что изумленные взоры всех народов обратятся к ней, – это будет такое же чудо, как если бы на небе возшло второе солнце. Бесчисленные множества русских рабов восстанут и пойдут, пойдут на восток; великий свет, льющийся оттуда, будет озарять их лица, а позади, далеко позади мы увидим пустой трон в обезлюдевшей стране. Этого можно добиться...» [18:146].

Символично, но конец романа связан с новой и «необыкновенной идеей» Селлерса о «климате по заказу», позволявшей его менять в зависимости от желания населения той или иной страны. Для этого требовалось всего лишь заставить «пятна на солнце» работать на благо человечества. Поражал своим гигант-

ским размахом и другой многомиллиардный проект полковника, который касался переброски зоны вечной мерзлоты на экватор, а одного из тропиков – в район Арктики, чтобы впоследствии его продавать как летний курорт. И напоследок, в последних строках романа Селлерс еще раз послал всем читателям «через всю вселенную... свой поцелуй!» [18:215].

Общественный резонанс исторических романов Твена в американском обществе был настолько высок, что название одного из них стало нарицательным. Яркая критика «власть имущих», вызванная глубокой верой писателя в демократические принципы, обусловила запоминающее название целой эпохи последней четверти XIX в. Позже историки называли это время «твеновским», или «позолоченным» веком [32]. Употребив понятие «позолоченный», а не «золотой» век, автор призвал американцев не только гордиться успехами самой передовой экономики мира, но и не затушевывать с помощью искусственного глянца всех ее язв и пороков. Суть авторской метафоры заключалась в сопоставлении истинных и мнимых ценностей, значимость которых разнится подобно предметам, сделанным из позолоты и чистого золота. Ведь позолота, придавая внешнее сходство с золотым изделием, все же являлась тонкой оболочкой, скрывающей дешевый, второсортный материал. Отсюда следуя логике писателя, в Америке после Гражданской войны воцарился не «золотой», а «позолоченный» век, так как многое в нем было фальшивым и ненастоящим. Примечательно, что первое издание романа на русском языке под названием «Мишурный век», выпущенное в 1874 г. под редакцией Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина, достаточно точно передавало смысл ироничного авторского подхода к реалиям повседневной жизни.

И действительно, искусственный глянец, наведенный с помощью позолоты, не мог скрыть всех «гнилых язв, лежавших под поверхностью» внешне привлекательного американского общества [45:3]. За его блестящим, но обманчивым блеском и поддельной роскошью лежали многие нерешенные проблемы, наличие которых не могли не видеть современники,

эмоционально выражавшие разочарование окружающим миром. «Позолоченный век», – по образному выражению исследователя Д. Уэктера, – был временем радужных иллюзий, самодовольным миром, который спешил жить и одновременно увязал дырявыми башмаками в грязи» [10:499]. По сути это было время огромных надежд и в равной степени таких же огромных, но не оправдавшихся ожиданий.

Литература

1. *Адамс Г.* Демократия. М., 1989. 720 с.
2. Балдицын П.В. Система жанров в творчестве Марка Твена и американская литературная традиция. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.ф.н. М., 2004.
3. *Бобок О.А.* Романы Марка Твена о европейской истории. Автореферат диссертации на соискание к.ф.н. СПб., 2000.
4. *Гиленсон Б.А.* Марк Твен: судьба «короля смеха». М., 2007. 248 с.
5. *Гиленсон Б.А.* История зарубежной литературы конца XIX – первой половины XX века. М., 2015. 629 с.
6. *Груздева Е.А.* Эволюция образа простака в творчестве Марка Твена в контексте просветительской традиции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ф.н. Казань, 2013.
7. *Дементьев И.П.* Идеиная борьба в США по вопросам экспансии (на рубеже XIX–XX вв.). М., 1973. 368 с.
8. *Зверев А.М.* Мир Марка Твена: Очерк жизни и творчества. М., 1985. 196 с.
9. Ионкис Г. Марк Твен: путь от юмора к сатире // Слово\Ворд. 2010. №.66. Электронный ресурс. URL:<http://magazines.russ.ru/slovo> (дата обращения: 26.02.2017).

10. Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. М., 1978. Т. 2. 525 с.
11. *Мендельсон М.О.* Марк Твен. М., 2005. 225 с.
12. *Пьянов Д.В.* Своеобразие исторической проблематики в творчестве Марка Твена. Автореферат на соискание ученой степени к.ф.н. Москва 2003.
13. *Ромм А.С.* Марк Твен. М., 1977. 193 с.
14. *Старцев А.И.* Марк Твен и Америка. М., 1985. 304 с.
15. *Твен М.* Позолоченный век. Повесть наших дней // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1959. Т. 3. 583 с.
16. *Твен М.* Жизнь на Миссисипи // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1959. Т. 4, с. 231-628.
17. *Твен М.* Янки из Коннектикута при дворе короля Артура //Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1960. Т. 6, с. 307-631.
18. *Твен М.* Американский претендент // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961. Т. 7, с. 6-218.
19. *Твен М.* Открытое письмо коммодору Вандербильту // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961. Т. 10, с. 638-644.
20. *Твен М.* Исправленный катехизис // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961. Т. 10, с. 648-650.
21. *Твен М.* Рыцари труда – новая династия // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1960. Т. 10, с. 682-690.
22. *Твен М.* Американцы и англичане // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1960. Т.10, с. 651-653.
23. *Твен М.* Человек, который совратил Гедлиберг // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961. Т. 11, с. 28-83.
24. *Твен М.* Человеку, ходящему во тьме // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1960. Т.11, с. 495-494.

25. *Твен М.* Из автобиографии // Твен М. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1961. Т. 12, с. 5-466.
26. *Чертанов М.* Марк Твен. М., 2012. 470 с.
27. All Mark Twaine Quotes. Электронный ресурс. URL://<http://izquotes.com/quote/188047> (дата обращения: 26.02.2017).
28. Burdette's Advice to Young Voters. 1884 Campaign Tract №2 // Library of Congress. Manuscript Division. The Papers of James G.Blaine Family. Vol.1. Reel 6.
29. Directory of Mark Twain's maxims, quotations, and various opinions // Letter to Jean Clemens, 1908, June 19. Электронный ресурс. URL://<http://www.twain-quotes.com> (дата обращения: 26.02.2017).
30. Headquarters Central Committee of Republicans and Independents. Doc.№14. 1884 // New York State Library. Manuscript Division. William G.Rice Papers. Box 5.
31. Headquarters Central Committee of Republicans and Independents.Doc. №17. 1884, September 20 // New York State Library. Manuscript Division. William G. Rice Papers. Box 5.
32. The Gilded Age // Boundless U.S. History. Электронный ресурс. URL:// <https://www.boundless.com> (дата обращения: 26.02.2017).
33. *Lundin L.* Tom Sawyer and the Diabolus Ex Machina. 2011. May 22. Электронный ресурс. URL://<http://criminalbrief.com/>(дата обращения: 26.02.2017).
34. Mark Twain's Autobiography. Ch.7 // North American Review. 1906. Dec. 21, 1906. Электронный ресурс. URL://<http://www.gutenberg.org/> (дата обращения: 26.02.2017).
35. Mark Twain's Juggernaut Club Correspondence // Letter to Helene Picard. 1902, 22 February // The Helene Picard Letters. Электронный ресурс. URL://

- <http://www.twainquotes.com/picard.html>. (дата обращения: 26.02.2017).
36. Mark Twaine's Letters, 1886–1900. Vol. 4 // To W.D.Howells, August 22, 1887 // Release Date: August 21, 2006. Электронный ресурс. URL://[http://www. gu-
tenberg.org](http://www.gutenberg.org) (дата обращения: 26.02.2017).
 37. Mark Twaine in Eruption: Hitherto Unpublished Pages about Men and Events. New York, 1940. 402 p.
 38. Mark Twaine on Imperialism // New York Herald. 1900, October 15. Электронный ресурс. URL:// [http://www. historywiz.com](http://www.historywiz.com) (дата обращения: 26.02.2017).
 39. Mark Twain – Howells Letters: The Correspondence of Samuel L. Clemens and William D. Howells, 1872-1910. Cambridge, 1960. Vol.1. 454 p.
 40. More Maxims of Mark. Ed. by M. Johnson. New York, 1927. 50 p.
 41. Schurz C. Speeches, Correspondence and Political Papers of Carl Schurz. New York, London, 1913. Vol. 4. 564 p.
 42. *Sproat J.* “The Best Men”: Liberal Reformers in the Gilded Age. New York, 1968. 356 p.
 43. *Twaine M.* The Tragedy of Pudd'nhead Wilson & and the Comedy of Those Extraordinary Twins. Hartford (Conn.), 1894. Электронный ресурс. URL://<http://www.online-literature.com> (дата обращения: 26.02.2017).
 44. Twaine Quatations A to Z – Mark Twaine. Электронный ресурс. URL: //[http://www.twainquotes. com/quotesatoz.html](http://www.twainquotes.com/quotesatoz.html) (дата обращения: 26.02.2017).
 45. *Weir R.* Beyond Labor's Veil: the Culture of the Knights of Labor. University Park (Pens.), 1996. 343 p.